

Научная статья

УДК 81-13

DOI 10.17223/18137083/78/23

**Опыт применения конверсационного анализа
к исследованию речевых сбоев (на материале интервью
с Первым Президентом Российской Федерации
Б. Н. Ельциным)**

Марина Ивановна Пантыкина

Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Россия
pantikina@tltsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7712-2124>

Аннотация

Формулируется проблема определения коммуникативно-лингвистической значимости речевых сбоев, показаны сопутствующие ей теоретические и методологические вопросы. К решению проблемы коммуникативно-лингвистической значимости речевых сбоев впервые применяется конверсационный анализ, обосновывается необходимость использования такого его приема, как метод примеров. В работе исследуются речевые сбои, вызванные внешними обстоятельствами разговора и внутренними проблемами планирования и артикуляции речевого замысла. В результате сделан вывод о том, что речевые сбои включены в процесс формирования структуры разговора, выражают коммуникативные компетенции и когнитивные установки его участников, что предполагает интеграцию методологии конверсационного анализа с лексико-семантическим анализом.

Ключевые слова

Б. Н. Ельцин, ноябрьский Пленум Московского Комитета ЦК КПСС, разговорная речь, конверсационный анализ, метод примеров, речевые сбои

Для цитирования

Пантыкина М. И. Опыт применения конверсационного анализа к исследованию речевых сбоев (на материале интервью с Первым Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 325–339. DOI 10.17223/18137083/78/23

© Пантыкина М. И., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 325–339
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 325–339

Conversation analysis approach to the study of speech failures (based on an interview with the First President of Russian Federation B. N. Yeltsin)

Marina I. Pantykina

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation
pantykina@tltu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7712-2124>

Abstract

The paper approaches the problem of determining the communicative-linguistic significance of speech failures and discusses related theoretical and methodological issues. The relevance is due to opposing approaches in this area and practically complete cessation of research following the decline in scientific interest in these linguistic phenomena. For the first time, conversation analysis is used to study the problems considered. The interview with the first President of the Russian Federation, Boris Yeltsin, is taken as empirical material. The cognitive capabilities of conversation analysis and its general methodological principles are identified, explaining how the latter allow disclosing the specifics of conversation structure and determining the rules of organizing the exchange of replicas. The basic technology of conversation analysis – transcribing – is introduced. The author analyzes repetitions, pauses, hesitations, clippings of phrases, and expressive intonation selections caused by internal problems of planning and articulation of the speech plan. The conversation analysis of the interview fragments showed how speech disruptions enter into the formation of one of the local contexts – the topic of political confrontation between Yeltsin and Gorbachev. As a result, a conclusion is made that speech failures cannot be considered to be solely speech drawbacks, as they implicitly indicate the goals of communication, are included in the process of forming the structure of the conversation, express the communicative competencies and cognitive attitudes of its participants. Also, further findings concern the possibility of integrating the methodology of conversation analysis with lexical-semantic analysis.

Keywords

B. N. Yeltsin, November Plenum of the Moscow Committee of the CPSU Central Committee, colloquial speech, conversation analysis, method of examples, speech failures

For citation

Pantykina M. I. Conversation analysis approach to the study of speech failures (based on an interview with the First President of Russian Federation B. N. Yeltsin). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 325–339. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/23

Об актуальности исследования речевых сбоев

Прагматический поворот в лингвистике явился причиной того, что в 60–70 гг. XX в. разговорная речь (далее – РР) и речевые сбои (далее – РС) стали предметами междисциплинарных исследований¹. Их результатами можно считать выделение таких характеристик РР, как спонтанность, мотивированность, эмоциональность и экспрессивность, а также установление «стыковочных узлов» между РР и различными паралингвистическими факторами коммуникации: «РР и структура ситуации; РР и невербальные средства коммуникации; РР и личностные и соци-

¹ Краткая история исследований речевых сбоев в отечественной и зарубежной научной литературе представлена в монографии М. В. Русаковой [2013, с. 48–50].

альные особенности партнеров коммуникации и мн. др.» [Земская и др., 1981, с. 11].

В отношении РС было достигнуто понимание того, что они являются фонационными паралингвистическими явлениями, сопровождающими РР. Поскольку РС возникают вследствие затруднений в реализации речевого замысла или его корректировки непосредственно по ходу проговаривания, то они стали определяться как отклонения от языковых норм. Как следствие, возник вопрос о различиях между РС и ошибками. В настоящее время выявлены следующие основания их дифференциации: «...Ошибка представляет собой регулярно повторяющееся в аналогичных ситуациях нарушение языковой нормы, не зависящее от физического или психического состояния человека, а отклонение – это нарушение нормы в спонтанной речи, обусловленное ее ситуативностью и зависимостью от эмоционально-психологического состояния говорящего, не имеющее системного характера и выступающее, соответственно, обязательным признаком спонтанной речи, отражающим ее природу и сущность» [Тезекбаева, 2011, с. 77]. Таким образом, РС относятся к отклонениям языковых норм, тогда как ошибки – к их нарушениям.

К концу XX в. научный интерес к РС значительно упал, оставив открытыми несколько принципиальных вопросов. Среди них основным является проблема коммуникативно-лингвистической значимости РС. В настоящее время в научной литературе сформировались диаметрально противоположные точки зрения на ее решение. Согласно первой из них РС – это отрицательный языковой материал [Цейтлин, 2013, с. 100], порождающий коммуникативные неудачи. Кроме того, они не имеют коммуникативно-лингвистической значимости в связи с тем, что РС сегментируют РР на фонационные отрезки, которые не всегда имеют форму синтаксических смысловых единиц, часто это просто аморфные сегменты [Яковлева, 2016, с. 5–6].

Вторая точка зрения строится на доказательстве того, что РС обладают коммуникативно-лингвистической значимостью и призваны решать сложные интерактивные задачи. В частности, в ряде научных исследований РС определяются в качестве источника знаний о процессе порождения речи; раскрывается их значение в планировании речевого замысла и самовосстановлении плавности речи; выделяются такие дополнительные функции РС, как обозначение последовательности информационных блоков, акцентирование важности фрагмента высказывания, демонстрация отношения говорящего [Верходанова, Карпов, 2012, с. 10–11]. Кроме того, в прикладной лингвистике широко распространены эмпирические доказательства наличия связи РС с индивидуальными особенностями дискурса говорящих и их влияния на формирование локального контекста [Надеина, 2019, с. 448]. Что касается роли РС в возникновении коммуникативных неудач, то она не признается определяющей. Считается, что РР с РС хорошо воспринимается и не вызывает переспросов благодаря контекстной предсказуемости и частотности употребления единиц [Кипяткова и др., 2012, с. 18].

Следующий нерешенный вопрос о РС состоит в том, что до сих пор не завершена работа по их классификации. Так, например, в состав РС нередко включаются, без необходимых оговорок, смех, кашель, лексический повтор, известные как эмфатические средства, или ускорение темпа, выполняющее в некоторых случаях функцию риторического приема выделения менее значимой, дополнительно вводимой информации на фоне более значимой. В современных исследованиях получили распространение несколько вариантов классификаций РС, различаю-

щихся между собой по степени охвата языковых явлений. Так, например, в работе бельгийских ученых анализируются только три вида РС: заполненные паузы, повторы и фразы, модифицированные с самого начала [Stouten et al., 2006]. Более обширный круг РС, что вполне оправдано, предложен Е. М. Басовой [2018], которая связывает РС с различными гезитационными явлениями, выполняющими функцию отклонений в построении связного текста в процессе спонтанной речи.

Поскольку целью предлагаемого исследования является уточнение коммуникативно-лингвистической значимости РС, то воспользуемся классификацией О. В. Верходановой и А. А. Карпова, в которой разновидности РС выделяются на основании вызывающих их коммуникативных причин [2012, с. 11]. Так, нарушения внешних условий коммуникации в виде вмешательства собеседника или возникновения непредвиденной ситуации могут повлечь такие РС, как перебивание, наложение реплик и сбои смежных пар. А внутренние проблемы планирования реплик приводят к оговоркам, повторам, паузам, гезитациям и самоисправлениям.

Отсутствие должного внимания к проблеме коммуникативно-лингвистической значимости РС, очевидно, является причиной нерешенности следующего вопроса, связанного с выбором оптимальной методологической программы. На сегодняшний день РС исследуются преимущественно количественными методами корпусной лингвистики² и методами моделирования РС с помощью систем автоматического распознавания речи. Качественные методы, если и используются, то только как вспомогательные³. Такое положение дел вряд ли может считаться удовлетворительным. Думается, что предлагаемый в статье разговорный анализ откроет новые методологические возможности изучения РС, выявит прагматические аспекты их функционирования и, следовательно, поможет раскрыть их коммуникативно-лингвистическое значение.

В качестве материала исследования РС будут использованы фрагменты интервью с Б. Н. Ельциным⁴, которое представляет интерес в связи с несколькими обстоятельствами. Во-первых, оно проводилось без каких-либо предварительных договоренностей⁵ и поэтому представляет собой редкий пример зафиксированной неподготовленной спонтанной РР. Во-вторых, на момент интервью Б. Н. Ельцин приступил к исполнению обязанностей Председателя Верховного Совета РСФСР в мае 1990 г., но еще не успел забыть трагические события, предшествующие его избранию. Поэтому его ответы представляют собой уникальный пример дискурса политика-победителя и глубоко уязвленного человека. В-третьих, это интервью было записано в июне 1990 г., опубликовано 1 февраля 2018 г., но до сих пор так и не стало предметом научных исследований.

² См., например: [Ронжин, Евграфова, 2011; Верходанова, Карпов, 2012; Русакова, 2013].

³ См., например: [Подлеская, Кибрик, 2007].

⁴ См.: #Ельцин и Чепарухин в поезде Москва-Рига июнь 1990 Беседа про #планы и #методы развала #КПСС и #СССР [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tD2dNHyVHYw> (дата обращения 22.08.2019).

⁵ А. Г. Чепарухин в анонсе к этому интервью описывал историю о том, как он вместе с австрийским журналистом В. Кройтлером, преодолевая сопротивление проводника, проник в поезд «Москва – Рига», на котором Б. Н. Ельцин ехал в отпуск, и убедил начальника охраны А. В. Коржакова в необходимости незапланированной беседы. См. подробнее: Опубликовано ранее неизвестное интервью Б. Н. Ельцина 1990 года. 01 февраля 2018 г. [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2018/02/01/eltzin> (дата обращения 22.08.2019).

Конверсационный анализ и условия его применения к исследованию интервью

Как уже отмечалось, интервью с Б. Н. Ельциным отличает спонтанность, свобода в отношении правил интервьюирования и норм политического дискурса. Поэтому для его изучения необходимо выбрать такой метод, который бы позволил сохранить эти особенности и представить их как *impressio* положения дел. Именно таким условиям отвечает конверсационный анализ (далее – КА), который направлен на описание и изучение естественно протекающего разговора и «нейтрален относительно окончательной правды или ложности высказываний, так как он стремится исследовать то, как сами участники разговора рассматривают и устанавливают фактический статус опыта взаимодействия» [Wooffitt, 2005, p. 107].

КА не имеет однозначно определенной методологической программы. Всё, чем располагают конверс-аналитики в качестве средств исследования, – это формальный аппарат организации разговора, «который не зависит от контекста и может в любых локальных случаях его применения быть чувствительным к различным параметрам социальной реальности в локальном контексте...» [Сакс и др., 2015, с. 146], а также ряд общих методологических установок, выражающихся в следующем:

1) в теоретической наивности, т. е. в исключении каких-либо гипотез, объяснительных схем и иных научных обобщений, предшествующих работе с эмпирическим материалом;

2) в этнометодологическом безразличии, т. е. воздержании от оценок важности, практичности, успешности и прочих особенностей конкретных практик участников разговора [Троцук, 2014, с. 147];

3) в нелингвистичности или в признании допустимости нарушений языковых правил;

4) в экологической валидности, предполагающей заключение «в скобки» любых контекстов, за исключением контекста, который спонтанно конституируется репликами «разговора-во-взаимодействии»;

5) в очевидности, т. е. в допущении того, что «информанты / респонденты обладают реальным знанием фактов и могут сообщить о них исследователю» [Кузнецов, 2017, с. 99].

Что касается формального аппарата организации разговора, то он впервые был выявлен Х. Саксом и его единомышленниками Э. А. Щеглоффым и Г. Джефферсон. Поставив «за скобки» содержательную сторону повседневных разговоров, основатели КА обнаружили их устойчивые характеристики: модель и правила очередности обмена высказываниями. В своей совокупности они и образуют формальный аппарат, обеспечивающий минимум социального порядка в условиях свободной реализации коммуникативных компетенций участников разговора-во-взаимодействии. Подчеркнем, что модели и правила очередности не являются результатом теоретизирования или каких-либо априорных предположений, поскольку представляют собой аспекты изучения «стихии» разговора, которые не выявляются и не задаются извне, а обнаруживаются в нем самом. Так, модель определяет естественным образом сложившуюся структуру разговора (статический аспект), а правила очередности предполагают дескрипцию его процесса (динамический аспект).

Кроме формального аппарата организации разговора «позитивистский успех» КА обеспечивается технологией подготовки эмпирического материала для изучения РР – транскрипцией, которую можно определить как систему условных символов, фиксирующих фонетические особенности произнесения слов, интонации высказываний, смысловые ударения, паузы, наложения высказываний друг на друга и т. д.⁶ Транскрипция предназначена не только для письменного форматирования устного разговора, но и для выявления конструктивных элементов механизма порождения речевых действий его участников⁷. Кроме того, она «требует детального описания контекстуальных рамок разговора, особенностей его протекания с точки зрения приемов выстраивания и степени “нормальности” смежных пар, очередности высказываний» [Троцук, 2014, с. 151].

Очевидно, что транскрибирование является достаточно трудоемкой процедурой. Ее результаты, как правило, нуждаются в неоднократном прослушивании и корректировке записи разговора. Это стало причиной того, что некоторые конверс-аналитики отказались от «классической» детальной транскрипции в пользу метода примеров, направленного на решение конкретных задач исследования. Под примером в данном случае понимается фрагмент разговора, т. е. «буквально он представляет собой короткие выдержки из разговора с обменом репликами говорящими (обычно от 4 до 10 реплик, иногда несколько десятков, но редко больше) с кратким пояснением ситуации разговора» [Улановский, 2016, с. 225].

Метод примеров открывает новые возможности в развитии проблемы коммуникативно-лингвистической значимости РС за счет фокусировки внимания на деталях речевых действий участников интервью и выявления особенностей их речевых компетенций. Однако, думается, что транскрибирование транзакций и очередности высказываний само по себе, без сопутствующего лексико-семантического анализа вряд ли способно решить указанную проблему. Поэтому выявленные с помощью КА РС должны быть дополнены исследованием их влияния на речевые замыслы, иллокутивные цели и коммуникативные тактики участников

⁶ В данной статье используются следующие символы транскрибирования:
(0.2) – время микропаузы до десятых долей секунды;
(...) – нетранскрибируемая реплика или предположение о его содержании;
(xx) – смех, улыбка в голосе;
<...> – ускорение темпа речи;
>...< – замедление темпа речи;
___ – смысловые акценты в речи;
NNNNN – слово произносится очень громко;
nnp::nnp – двоеточие обозначает длительность звука, количество больше указывает на степень длительности звука;
↑ и ↓ – указание на восходящую и нисходящую интонацию;
°nnnnn° – слово было произнесено намного тише, чем остальные;
] – наложение реплик;
@nnnnn@ – говорящий изображает или копирует кого-то интонационно;
– – указание на обрыв высказывания собеседником;
nnpn- – указание на резкий обрыв слова;
..?! – знаки, обозначающие завершающую, перечисляющую, вопросительную и восклицательную интонацию.

⁷ Разработанная в рамках КА система нотации отличается от распространенных в отечественной лингвистической литературе интонационной транскрипции возможностью фиксировать РС, а от дискурсивной транскрипции отсутствием необходимости указывать отдельные синтаксические структуры.

интервью. Таким образом, несмотря на то, что семантическая аргументация не входит в методологических арсенал КА, ее применение оправдано целью предлагаемого исследования.

Примеры речевых сбоев в интервью с Б. Н. Ельциным и результаты их конверсационного анализа

Приступая к исследованию РС в интервью с Б. Н. Ельциным, необходимо обратить внимание на то, что они возникают в конкретном локальном контексте и участвуют в его развитии в определенном направлении. Только с учетом этого обстоятельства можно определить характер локального контекста: он может быть деструктивным, приводящим к нарушению правил разговора, или конструктивным, связанным с выполнением сложных коммуникативных функций. Для того чтобы убедиться в наличии взаимозависимости между РС и локальным контекстом, обратимся к транскрипции фрагмента интервью, в котором Б. Н. Ельцин ответил на вопрос А. Г. Чепарухина о причинах покаянного выступления на XIX партийной конференции (28.06 – 01.07.1988):

Фрагмент № 1 / Fragment № 1

1. 25:57⁸ Чепарухин: Все эти покаянные заявления и так далее-
2. 25:59 Ельцин: Да, да. Ну, во-первых, надо понимать, что эти покаянные
3. 26:02 заявления – это (0.1) э::э::э @не признак такой (0.1)
4. 26:06 слабости@.
5. 26:07 Если говорить по:: э:э:э московскому Пленуму ЦК,
6. 26:11 то это просто накачка лекарствами.
7. 26:15 Чепарухин: Мы, мы так сразу и поняли. Потому что стенограмма-
8. 26:17. Я считаю, очень подло
9. 26:18 воспроизведшая все (0.1) самые обороты вашей
10. 26:18 Ельцин: Да, да, да-
11. 26:20 Чепарухин: речи↑ □неправильные□ и так далее', она показывает, что челк (человек)-
12. 26:23 Ельцин: Я же ничего- Я же ничего не-
13. 26:23 Чепарухин: человек находится в состоянии (просто)-
14. 26:24 Ельцин: Я ничего не соображал, (просто), откровенно говоря. Я (0.2) сидел
15. 26:30 там <какой-то опустошенный'↓, ничего не
16. 26:32 воспринимаемая', на трибуну вышел, я' не мог
17. 26:35 логичность речи даже::, значит,
18. 26:39 значит, соблюсти, значит. Поскольку действительно (0.1) ввели сто::
19. 26:43 кубиков ээ::: седуксена в вену, сразу↓
20. 26:47 Страшно для одного человека–
21. 26:50 Этим вообще-

Первое, что обнаруживается в данном фрагменте – это такие РС, как перебивания, которые указывают на наличие деструктивного локального контекста. В частности, Ельцин не позволил полностью сформулировать вопрос и пресек

⁸ Для фиксации порядка следования вопросов и ответов в интервью указан хронометраж.

возможные критические интерпретации «покаянных заявлений». Кроме того, с помощью этого же перебивания был обозначен момент перехода к тактике опровержения. Ельцин однократно использовал дискурсивный маркер⁹ «во-первых», относящийся к тактике доказательного изложения и тут же перешел к подмене контраргументации по поводу покаянного выступления на XIX партийной конференции объяснением причин провальной речи на ноябрьском Пленуме Московского Комитета ЦК КПСС (реплика 5). Таким образом, в этом фрагменте перебивание выполняет функцию корректировки предмета вопроса и изменения тактики ответа.

Особенность ответа Б. Н. Ельцина состоит в том, что одновременно с жестким отрицанием слабости «провального выступления» и ироничной имитацией артикуляции неких недоброжелателей, в нем содержится призыв к пониманию. На него, в частности, указывает РС в виде интимизатора общения «надо понимать», а также нарративность и субъективная модальность изложения прошедших событий. За счет хезитаторов «э::э::э» и слова-паразита «такой», выполняющих в данном случае функцию РС, Борис Николаевич стремился смягчить агрессивность перебиваний. Они позволили ему расширить временной период словесного оформления воспоминаний и несколько нивелировать их негативность.

Вызывает интерес способ, каким Ельцин перечислял свои действия: «сидел», «на трибуну вышел», «не мог» (реплики 14–16). Выражающие их фразы продекламированы с ударениями и чеканным ритмом, что создает образ политика, который вопреки последовавшему объяснению действовал на ноябрьском Пленуме достаточно осознанно, но не предполагал, что его оппоненты решатся опубликовать неотредактированную стенограмму выступления. К окончательной формулировке причин инцидента на ноябрьском Пленуме Московского Комитета ЦК КПСС Ельцин подошел с помощью повтора «значит, значит, соблюсти, значит», который фактически явился продолжением предшествующего повтора «Я же ничего- / Я же ничего не-» (реплика 12). Эти повторы и финальная открытая фраза «этим вообще...», являющиеся РС, показывают, что Борис Николаевич не был готов представить окончательный вывод.

Что касается РС, связанных с внутренними проблемами планирования ответов, то они обнаруживаются практически во всех высказываниях Б. Н. Ельцина. Думается, что можно установить зависимость между типом смежной пары, задаваемой интервьюером, и частотностью РС в ответах интервьюируемого. Так, в первой части разговора, которую интервьюер назвал более-менее официальной, используется смежная пара¹⁰ «вопрос / ответ». Первому вопросу А. Г. Чепарухина, касающемуся обоснованности выделения кредита Международного валютного фонда (МВФ) России, а не СНГ, соответствовал лаконичный ответ Ельцина:

⁹ Данный дискурсивный маркер относится к речевым сбоям.

¹⁰ Смежные пары – это типовые единицы конструирования очередности реплик (например, вопрос-ответ). Инициатор разговора выбирает определенную типовую единицу, а говорящий, к которому перешел черед, получает право использовать одну заданную единицу. Это позволяет выявить «архитектуру» разговора и спрогнозировать, исходя из типа конструирования очередности, весь его ход. Как подчеркивает Р. Вуффитт, в том случае, если на заданный вопрос не получен соответствующий ответ, происходит незначительный сбой ожиданий, лежащих в основе межличностного взаимодействия [Wooffitt, 2005, p. 7]. Заметим, что в отечественной лингвистике используется аналогичное понятие диалогического единства [Шведова, 1960, с. 280–281].

Фрагмент № 2 / Fragment № 2

1. 00:50 И сейчас более реально и более надежный,
2. 00:56 я бы сказал, кредит (0.2) можно выдать,
3. 01:01 <прежде всего> России как гаранту, мощному гаранту
4. 01:05 возрождения России <по демократическому
5. 01:08 пути>↑ эээ:: (0.3) ммм:: (0.2) радикальным реформам и вопросам
6. 01:14 демократизации дальнейшей ↑.
7. 01:17 Ну: (0.1), и:: (0.2) это <конечно, то что все-таки Россия есть
8. 01:21 Россия. Это 150 миллионов человек с
9. 01:22 огромной территорией, с огромными>, богатствами
10. 01:25 природными,
11. 01:27 с огромным человеческим интеллектом °–

Как видим, в этом ответе содержится незначительное количество пауз хезитации, показывающих затруднения в поиске лексем, и повторы (реплики 3, 5, 6). Эти РС интересны тем, что порождают пограничные коннотации и инференции. Например, «круг» в рассуждении о том, что Россия является гарантом возрождения самой себя, содержит неявное указание на отсутствие необходимости получения кредита МВФ. Символична и ссылка на развивающуюся демократию в России (реплики 4, 6), которая артикулируется дважды с продолжительным временным интервалом. Показательно, что удвоение ссылки в данном случае не добавляет весомости аргументации и не развивает последующие доводы. Восходящая интонация, которой заканчивается шестая реплика, свидетельствует о том, что пул аргументов окончательно не сформирован.

Во второй части интервью, непосредственно касающейся личности Б. Н. Ельцина, по инициативе А. Г. Чепарухина произошла замена изначальной смежной пары «вопрос / ответ» на конструкцию «рассуждение / реакция на рассуждение». Она не только повлекла за собой изменения в структуре разговора, но и дала возможность интервьюеру перейти к новому локальному контексту – к теме политической травли. Кроме того, структурные и содержательные изменения разговора спровоцировали увеличение частотности РС в ответах интервьюируемого:

Фрагмент № 3 / Fragment № 3

1. 23:03 Самый главный организатор этих подлых, эээ:: (0.3)
2. 23:07 провокационных и прочих эээ:: (0.3)
3. 23:10 затей ↑ – это Лигачев = И я с ним <после этого>
4. 23:15 никаких
5. 23:16 <ни человеческих, ни деловых> отношений не
6. 23:19 имею вообще–
7. 23:20 и я не м.: смогу перешагнуть себя ни при
8. 23:24 ситуации (0.3).
9. 23:26 Но исходя из того, что <все-таки> Горбачев,
10. 23:29 может быть, конечно, он возглавлял это.
11. 23:32 Но <тем не менее> это делалось руками Лигачева ↑=
12. 23:34 Потом, исходя опять же из интереса
13. 23:37 России, надо
14. 23:38 сейчас с ним идти на деловое сотрудничество.
15. 23:41 Здесь не будет человеческих конта.:ктов,
16. 23:44 здесь не будет, таких тем более личных- Нет = Но

17. 23:48 диалог↑ (0.2), переговоры↑(0.2), значит, эээ: (0.1) ну, сотру:д-ничество↑. Но я

18. 23:57 уже его предупредил↑= Но только ни в коем случае↑

19. 24:00 не ущерб↑ <интересам и суверенитету> России.

Как видим, в этом фрагменте интервью Борис Николаевич начал чаще использовать паузы, растягивая слоги, прибегая к междометиям, что давало дополнительное время на обдумывание и формулирование высказываний. В этом случае РС можно считать вербальными иллюстрациями глубины переживаний и размышлений о событиях до и после Октябрьского Пленума ЦК КПСС¹¹. Одновременно с этим в ответе обнаруживаются экспрессивные выражения, артикулированные с помощью преимущественно восходящих интонаций, резких изменений темпа речи, многочисленных смысловых ударений, которые вряд ли следует считать РС.

В заключительной части интервью Б. Н. Ельцин решился на разоблачение неблаговидных намерений М. С. Горбачева:

Фрагмент № 4 / Fragment № 4

1. 27:30 Сколько↑ усилий было <направлено для того,
2. 27:32 чтобы не избрать меня народным депутатом> России↓
3. 27:34 Сколько↑ усилий было направлено для того, чтобы
4. 27:37 не избрать Председателем Верховного
5. 27:39 Совета РСФСР↓ Уж здесь Горбачев лично
6. 27:42 много
7. 27:43 постарался↑. И:: сам руководил и всем этим
8. 27:46 процессом↑. И даже:: в последний вечер перед
9. 27:50 отлетом в Канаду↑, зная, что на следующий
10. 27:52 день будут выборы↑
11. 27:54 э:: Председателя Верховного Совета↑ (0.2) Так он собирал
12. 27:58 двести пятьдесят коммунистов-народных депутатов РСФСР↑
13. 28:02 и их агитировал↑, и давал указание, что::
14. 28:09 ЛЮБЫМ путем (0.1) < Я вот не понимаю фразу –
15. 28:12 <любым путем > (0.2) не допустить избрание Ельцина
16. 28:17 Что это @любым путем@? <Кирпичом по голове, что ли? Я не понимаю!>
17. 28:19 Чепарухин: Неужели не понимал? –
18. 28:20 Ельцин: Любым путем- (0.1)
19. 28:22 Чепарухин: Неужели он не понимал, эээ:: что противоположный (01)
20. 28:24 результат эээ::, только напряженность в стране::-
21. 28:26 Ельцин: Вот именно– (0.1)
22. 28:28 Чепарухин: создаст еще больше-
23. 28:29 Ельцин: Вот это мне часто непонятно, что::

Этот фрагмент показывает, насколько легко контекстуальные акценты предшествующих вопросов и ответов приводят к неожиданным поворотам разговора: в результате рассуждений о недружественности Горбачева постепенно, как пазл,

¹¹ На Октябрьском Пленуме ЦК КПСС Б. Н. Ельцин выступил с критикой в адрес партийного руководства и сделал заявление о снятии с себя обязанностей первого секретаря Московского Городского Комитета КПСС.

сложилось объяснение причин политического противостояния. Опираясь на него, Б. Н. Ельцин перешел к обвинению в угрозе насилия.

Смысловые акценты в данном фрагменте выражаются Ельциным с помощью слов, произнесенных громко или с ударением: «усилия», «лично много», «сам», «даже», «зная», «ЛЮБЫМ (путем)», «не допустить», «не понимаю» (реплики 1–16). Для такого формата речевых действий справедливо утверждение Д. Кэмерон о том, что если речь является «представлением», то она подразумевает планирование или расчет, а это ставит под сомнение искренность суждений и сопровождающих их эмоций [2015, с. 222]. На то, что ответ Ельцина был в достаточной степени демонстрационным, указывает незначительное количество РС: имеющиеся паузы не превышают 0,2 секунды и служат подготовке последующих реплик. Допущенные перебивания не нарушали порядок разговора, а символизировали стремление Ельцина завершить ответ негодованием по поводу угрозы не допустить «любым путем» его избрания на пост Председателя Верховного Совета.

В этом фрагменте интервью А. Г. Чепарухин также активно использовал перебивания. С его стороны они как будто бы были направлены на поддержку собеседника. Но в действительности имели и еще одну цель: побудить Ельцина обратить внимание на очевидную угрозу возрастания напряженности в стране, вызванной противостоянием политических лидеров (реплики 19 и 20). Эта экстраполяция была предложена интервьюером с большой осторожностью, о чем свидетельствуют многочисленные междометия, обрывы фраз. При этом каждая реплика-перебивание представляет собой переход к всё более мягкой форме суггестии (реплики 17, 19, 22).

Завершая аналитическую работу над фрагментами интервью, следует уточнить, что она была ограничена локальным контекстом, связанным с политической конкуренции между Б. Н. Ельциным и М. С. Горбачевым¹². Однако представленного материала достаточно, чтобы сделать выводы о коммуникативно-лингвистической значимости РС и результативности применения КА к их исследованию. В частности, можно утверждать, что:

- 1) РС могут выполнять функцию средств достижения целей коммуникации;
- 2) замещение исходной структуры «вопрос / ответ» на «рассуждение / реакция на рассуждение» определило основные этапы интервью;
- 3) РС обусловлены коммуникативными компетенциями и когнитивными особенностями участников интервью, а также включены в процесс формирования локального контекста;
- 4) транскрибирование является эффективным методом, позволяющим реконструировать основания высказываний участников разговора, сфокусировать внимание на отдельных деталях их речевых действий.

Кроме того, в ходе КА фрагментов интервью имплицитно сформировались дополнительные выводы. Во-первых, описание результатов транскрибирования реплик и анализ РС дают только первичное представление о языковых личностях участников разговора. Более обоснованные и системные их характеристики и оценки лежат вне сферы методологических возможностей КА. Во-вторых, несмотря на методологический запрет, в ходе исследования пришлось обратиться к анализу когнитивной составляющей разговора. В частности, результаты транс-

¹² В интервью содержатся, кроме того, такие локальные контексты, как формирование правительства СНГ, развитие РСФСР, доминанты внешней политики, отношение к общечеловеческим ценностям и благотворительности.

крибирования фрагментов интервью содержали информацию о речевых приемах воздействия, а также о коммуникативных намерениях интервьюера и интервьюируемого. Повторы и интонационные акцентирования позволили индуктивно выявить тематические паттерны и опорные концепты, которыми они руководствовались. В-третьих, с помощью дополнения КА лексико-семантическим анализом были выявлены РС, обусловившие трансформацию коммуникативных тактик. Они были представлены переходами от доказательства к опровержению, от демонстрации искренности к «театральной» самопрезентации, от утверждения власти к сотрудничеству или подчинению. В-четвертых, КА основан на допущении равенства сторон. Однако асимметричное распределение вопросов и ответов, непропорциональное время, которое занимали в разговоре участники интервью, присвоение инициативы перебивания ставят его под сомнение. Можно предположить, что КА, особенно когда исследуется не весь разговор, а отдельная его тема, должен быть дополнен лексико-семантическим анализом. Думается, что представленные уточнения конверс-методологии не только не уменьшают ее результативность, а подтверждают, что потенциал КА далеко не исчерпан. В сочетании с другими лингвистическими методами он дает возможность исследовать различные параметры РР, в том числе и РС.

Список литературы

- Баева Е. М.* Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 75–84. DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.75-84
- Верходанова О. В., Карпов А. А.* Моделирование речевых сбоев в системах автоматического распознавания речи // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 363. С. 10–15.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы языкознания и синтаксис. М.: Наука, 1981. 275 с.
- Кияткова И. С., Верходанова В. О., Ронжин А. Л.* Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). С. 17–23.
- Кузнецов А. Е.* Обнаружение хиастической структуры в спонтанном тексте и перспективы развития этнометодологического проекта. Статья первая // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 97–105. DOI 10.17072/2078-788/2017-1-97-105
- Кэмерон Д.* Разговорный дискурс. Интерпретации и практики / Пер. с. англ. Ю. С. Вовк. Харьков: Гуманит. Центр, 2015. 316 с.
- Надеина Т. М.* Использование интонационной транскрипции в целях повышения качества лингвистических экспертиз устной спонтанной речи // Вопросы экспертной практики. 2019. № 3. С. 445–450.
- Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Самоисправление говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2007. № 2. С. 2–23.
- Ронжин А. Л., Евграфова К. В.* Анализ вариативности спонтанной речи и способов устранения речевых сбоев // Изв. высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 2, № 3. С. 227–231.
- Русакова М. В.* Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.

Сакс Х., Щеглофф Э. А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре / Пер. с англ. А. М. Корбут // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, № 1. С. 142–202.

Тезекбаева Г. А. Спонтанная речь как объект лингвистики // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 76–79.

Троцук И. В. Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений: Дис. ... д-ра социол. наук. М.: [Б. и.], 2014. 338 с.

Улановский А. М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 218–237.

Цейтлин С. Н. Речевые сбои как разновидность «отрицательного языкового материала» // Конференция, посвященная 150-летию кафедры общего языкознания. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 99–101.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.

Яковлева Э. Б. Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты: Аналитический обзор / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам. М., 2016. 73 с.

Stouten F., Duchateau J., Jean-Pierre Martens J.-P. Coping with Disfluencies in Spontaneous Speech Recognition: Acoustic Detection and Linguistic Context Manipulation // *Speech Communication*. 2006. Vol. 48 (11). P. 1590–1606.

Wooffitt R. *Conversation Analysis and Discourse Analysis. A Comparative and Critical Introduction*. London, Thousand Oaks, New Delh: SAGE Publications Ltd, 2005. 245 p.

References

Baeva E. M. Khezitatsionnye yavleniya v ustnykh monologakh nizkoy stepeni spontannosti [Hesitation phenomena in oral monologues of low spontaneity]. *Communication Studies*. 2018, no. 1 (15), pp. 75–84. DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.75-84

Cameron D. *Razgovornyi diskurs. Interpretatsii i praktiki* [Working with spoken discourse]. (Y. S. Vovk Transl. from English). Kharkiv, Humanit. Center, 2015, 316 p.

Kipyatkova I. S., Verkhodanova V. O., Ronzhin A. L. Segmentatsiya paralingvистических фонатических явлений в спонтанной русской речи [Segmentation of paralinguistic phonation phenomena in spontaneous Russian speech]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2012, no. 2 (18), pp. 17–23.

Kuznetsov A. E. Obnaruzhenie khiasticheskoi struktury v spontannom tekste i perspektivy razvitiya etnometodologicheskogo proekta. Stat'ya pervaya [Detection of a Chiastic Structure in a Spontaneous Text and Prospects for the Development of an Ethnometodological Project. Article One]. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2017, iss. 1, pp. 97–105. DOI 10.17072/2078-788/2017-1-97-105

Nadeina T. M. Ispol'zovanie intonatsionnoy transkriptsii v tselyakh povysheniya kachestva lingvистических ekspertiz ustnoy spontannoy rechi [The use of intonational transcription in order to improve the quality of linguistic examinations of oral spontaneous speech]. *Voprosy ekspertnoy praktiki*. 2019, no. 3, pp. 445–450.

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Samoisppravleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak ob'ekt annotirovaniya v korpusakh ustnoi rechi [The speaker's self-correction and other types of speech malfunctions as an object of annotation in corpuses]

of oral speech]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2007, no. 2, pp. 2–23.

Ronzhin A. L., Evgrafova K. V. Analiz variativnosti spontannoi rechi i sposobov ustraneniya rechevykh sboev [Analysis of the variability of spontaneous speech and methods for eliminating speech malfunctions]. *News of Higher Schools. Series "Humanities"*. 2011, vol. 2, no. 3, pp. 227–231.

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [Elements of anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow, LRC Publishing House, 2013, 568 p.

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. Prosteishaya sistematika organizatsii ochrednosti v razgove [A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation]. A. M. Korbut (Transl. from English). *Russian Sociological Review*. 2015, vol. 14, no. 1, pp. 142–202.

Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1960, 377 p.

Stouten F., Duchateau J., Jean-Pierre Martens J.-P. Coping with Disfluencies in Spontaneous Speech Recognition: Acoustic Detection and Linguistic Context Manipulation. *Speech Communication*. Vol. 48 (11). 2006, pp. 1590–1606.

Tezekbaeva G. A. Spontannaya rech' kak ob'ekt lingvistiki [Spontaneous speech as an object of linguistics]. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 2011, no. 1, pp. 76–79.

Trotsuk I. V. *Analiz tekstovykh dannykh v sotsiologii: osnovaniya sistematizatsii kontseptual'nykh modelei, metodologicheskikh printsipov i metodicheskikh reshenii* [Analysis of textual data in sociology: the basis for the systematization of conceptual models, methodological principles and methodological solutions]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2014, 338 p.

Tseytlin S. N. Rechevye sboi kak raznovidnost' "otritsatel'nogo yazykovogo materiala" [Speech glitches as a kind of "negative language material"]. In: *Konferentsiya, posvyashchennaya 150-letiyu kafedry obshchego yazykoznanija* [Conference dedicated to the 150th anniversary of the Department of General Linguistics]. St. Petersburg, SPbSU Publ. House, 2013, pp. 99–101.

Ulanovskii A. M. Fenomenologiya razgovora: metod konversatsionnogo analiza [Phenomenology of conversation: the method of conversion analysis]. *Journal of Psycholinguistics*. 2016, no. 27, pp. 218–237.

Verkhodanova V. O., Karpov A. A. (2012). Modelirovanie rechevykh sboev v sistemakh avtomaticheskogo raspoznavaniya rechi [Modeling of Speech Failures in Automatic Speech Recognition Systems]. *Tomsk State University Journal*. 2012, no. 363, pp. 10–15.

Wooffitt R. *Conversation Analysis and Discourse Analysis. A Comparative and Critical Introduction*. London, Thousand Oaks, New Delh, SAGE Publications Ltd, 2005, 245 p.

Yakovleva E. B. *Rechevye khezitatsii: formal'nyy i funktsional'nyy aspekty: Analiticheskiy obzor* [Speech hesitations: formal and functional aspects: An analytical review]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS, 2016, 73 p.

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryaev E. N. *Russkaya razgovornaya rech. Obshchie voprosy yazykoznanija i sintaksis* [Russian colloquial speech. General questions of linguistics and syntax]. Moscow, Nauka, 1981, 275 p.

Информация об авторе

Марина Ивановна Пантыкина, доктор философских наук, доцент

Information about the author

Marina I. Pantykina, Doctor of Philosophy, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 21.04.2020;
одобрена после рецензирования 04.06.2020; принята к публикации 04.06.2020
The article was submitted 21.04.2020;
approved after reviewing 04.06.2020; accepted for publication 04.06.2020*